

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-4

Ольхов П. А.

Эпистолярный Н.Н. Стрхова как автобиографический нарратив
(по материалам переписки с А.Г. Достоевской)*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 105066, Россия
olkhov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье уточняются автобиографические свидетельства Н.Н. Стрхова – русского мыслителя разностороннего научно-философского склада, не оставившего после себя обширных мемуаров, но определенно сохранившего себя в долговременных переписках со своими современниками. В статье впервые вводится в научный оборот переписка Н.Н. Стрхова и А.Г. Достоевской. Статья содержит материалы, содействующие целостному представлению об опыте интеллектуального и экзистенциального общения русских мыслителей в конкретно-всеобщем контексте «архива эпохи».

Ключевые слова: эпистолярный; автонарратив; Н.Н. Стрхов; А.Г. Достоевская; переписка; разговор

Для цитирования: Ольхов П. А. Эпистолярный Н.Н. Стрхова как автобиографический нарратив (по материалам переписки с А.Г. Достоевской) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 40-46. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-4

P. A. Olkhov

N.N. Strakhov's epistolary as an autobiographical narrative
(based on correspondence with A. G. Dostoyevskaya)*

Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya St.,
Moscow, 105066, Russia
olkhov@bsu.edu.ru

Abstract. The article clarifies the autobiographical evidence of Nikolai N. Strakhov, a Russian thinker of versatile scientific and philosophical bent, who did not leave behind extensive memoirs, but definitely identified himself in long-term correspondence with his contemporaries. The article is the first to introduce into scientific circulation the correspondence of N.N. Strakhov and Anna Grigorievna Dostoyevskaya with some materials to a holistic understanding of the experience of intellectual and existential communication of Russian thinkers in the specific and general context of the "archive of the epoch".

* Исследование выполнено в рамках проекта НИУ ВШЭ, поддержанного грантом РФФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Стрхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения».

* The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 23-28-01799 "Archive of an epoch of N.N. Strakhov: existential contexts and interdisciplinary intersections".

Key words: epistolary; autonarrative; N.N. Strakhov; A.G. Dostoevskaya; correspondence; conversation

For citations: Olkhov P. A. (2024), “N.N. Strakhov's epistolary as an autobiographical narrative (based on correspondence with A.G. Dostoyevskaya)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 40-46, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-4

В уже опубликованных или ожидающих своего издательского часа переписках русского мыслителя с семьями Л.Н. Толстого, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского и других малоизвестных и неопубликованных архивных документах содержатся, как показывают исследования, факты «совместного мышления» Страхова и Достоевских, Страхова и Данилевских в их стилистико-смысловой общности. Анализ переписки позволяет существенно уточнить нравственно-смысловые тоны жизни и мышления – обязующие начала нетривиальной личности Н.Н. Страхова, «всепонимающего философа» (А.А. Григорьев), «не становившегося под знамена», но хлопотавшего о своем нравственном сбережении. Особенно показателен в этом отношении эпистолярный комплекс «Страхов – Достоевская», обращение к которому позволяет предпринять нарративную реконструкцию тех закрытых, нравственно интимных сторон автобиографии мыслителя, в которых его забота о себе была созвучна заботе о своих других.

Размышляя о летней повседневности, Николай Николаевич Страхов в письме к Анне Григорьевне Достоевской заметил: «время проходит... в разговорах». И, как это ни парадоксально, эта фраза очень ярко демонстрирует особенности становления русской философии в XIX столетии. Как указывал Т.И. Райнов, «мыслители первой половины XIX века были только эксцентричностью, не вызванными духовными потребностями русской среды и не находившими в ней никакого отклика. И только в 50–60 годах число этих эксцентричностей умножилось настолько, а

круг людей, заинтересованных ими, расширился до такой степени, что философская деятельность стала у нас впервые более или менее заметной функцией общественного сознания. Скучны были первые проявления этой функции, да и развивалась она медленно, протекая среди взаимного недовольства писателей и читателей» (Райнов, 2020: 60). Для понимания этого процесса мы обращаемся не столько к магистральным философским сюжетам, которые уже достаточно широко представлены в истории русской философии, сколько к экзистенциально нагруженному общению, запечатленному в эпистолярном разговоре, который фактически может быть осмыслен как автобиографический нарратив. Как указывает И.О. Щедрина, «с помощью автобиографического нарратива можно осуществить реконструкцию личностной составляющей Я, а также понять исторический контекст, время написания текста, экзистенциальное отношение пишущего к происходящему, ведь автонарратор обладает объективными и субъективными характеристиками, сочетание которых делает его единственным в этом мире. Однако автонарратор существует не сам по себе, но в отношениях с Другими, в актах взаимодействия происходит самокорректировка автонарратора и появляются разные “образы Я”, на пересечении которых остается целостное неизменяемое ядро личности» (Щедрина, 2022: 65).

Н.Н. Страхов, как свидетельствуют архивы и исследования, не оставил обстоятельных, систематических мемуаров, но экзистенциально-личные

факты его жизни вполне предстают и образуют некоторую автобиографическую событийную хронику в полноте его обширного эпистолярного наследия. В письмах он часто по дням (а иногда и часам), практически описывает свои духовные состояния – в зависимости от повседневной реальности, в которой находится в тот или иной момент своих умственных занятий. Судя по письмам (в том числе и к Анне Григорьевне Достоевской), работал Страхов практически непрерывно, перемежая продумывание текстов (его привычкой было мысленное письмо, подробное умозрительное представление о том, что будет изложено на бумаге и затем опубликовано) с постоянным общением – в различных его формах, от дружеских, со смысловой взаимностью, до полемических. Эти состояния непрерывной творческой фактичности речевого мышления Н.Н. Страхова вполне можно называть непрерывностью конкретно-духовного, герменевтического делания и переделки себя и своей изнутри принципиально открытой, жизненной сферы его встречного понимания.

Несмотря на то, что многие переписки Н.Н. Страхова уже опубликованы, в архивах все еще возможны интереснейшие эпистолярные находки, герменевтически плавкие свидетельства его духовных состояний. Среди таких как будто неглавных, но открывающих смыслы и контексты понимания и самого Страхова, и его эпохи, – переписка с А.Г. Достоевской после смерти Ф.М. Достоевского, продолжавшаяся, с перерывами, в течение пятнадцати лет (в 1880–1895 годах), вплоть до смерти уже самого Н.Н. Страхова. В этой переписке Страхов предстает не столько как «делатель интеллектуальной культуры» (Щедрина, Щедрина, 2022) – хлопотавший, совместно с Анной Григорьевной, об издании первого собрания сочинений Ф.М. Достоевского, но

одновременно и как длительно близкий человек к семье Достоевских (творчески-почвенно Федору Михайловичу, и утешительно, по мере своей отзывчивости, его вдове). Зная теперь о том, что отношения Страхова с Достоевским отличались особенной нравственной неустроенностью, трудно называть Страхова «другом» Достоевских¹; самой же Анне Григорьевне об этой неустроенности мало что было известно до самой смерти Страхова и еще более десяти лет после нее. В письмах к Николаю Николаевичу она рассказывает о своем мрачном настроении и душевных тревогах, беспокоится, чтобы биографию Федора Михайловича писал именно Страхов, долговременный сотрудник и товарищ Достоевского еще со времен издания журналов «Время» и «Эпоха» (Письмо А.Г. Достоевской к Н.Н. Страхову от 21 апреля 1881 г.). Он ответно открыт ей – той философской, понимающей открытостью, которая была свойственна ему всегда: «Очень мне жаль Вас, бедная Анна Григорьевна, и с глубоким состраданием и пониманием читал я Ваши жалобы. И главная беда все-таки та, что мучат Вас Ваши мысли, а не действительность. Настоящего горя у Вас много, но еще больше мыслей об горе, и это не действительное горе, разумеется, мучит не хуже действительного. Несчастное создание человек; он живет двойную жизнь – одну настоящую, другую мысленную – и обе исполнены тревог и мучений. Я иногда воображаю себе идеалы святого человека, и думаю, что главная его черта должна состоять в самообладании. Он должен иметь возможность откинуть всякую мысль и всякое чувство. Такой человек мог бы перенести всякую муку и мог бы, например, заснуть, когда ему угодно, потому что мог бы заставить душу молчать, как заставляем молчать язык. <...> ...Вместо того чтобы покоряться Воле Божией и спокойно выносить и волнения, и муки, мы похожи на людей, которые, когда

¹ См.: (Туниманов, 2006; Климова, 2021) и др.

в них попадет стрела, вместо того, чтобы спокойно вынуть ее и отбросить, хватаются за нее и силятся вонзить в себя все глубже и глубже. Мы любим волноваться и всякое наше чувство доводим до последней крайности» (Письмо Н.Н. Страхова к А.Г. Достоевской от 21 июля 1881 г. ОР РГБ, 93/II, карт. 9, ед. хр. 20). Анна Григорьевна, кажется, не замечала, что Страхов таким образом не только утешает и свидетельствует о себе, но и вполне нравственно напряженно – о Ф.М. Достоевском, насколько он ему был понятен; возможно, она и принимала это – в своем безусловном и трезво-деятельном почитании покойного супруга, жизненно зная, насколько был далек Фёдор Михайлович от такого идеала святости.

Исследователи уже неоднократно отмечали некоторую отстраненность эпистолярного стиля Страхова; его письма и записки к Анне Григорьевне написаны примерно в этой манере, без особых поминальных, милосердных поправок. Но Страхов в своем утешении без прикрас был искренно глубокомыслен – едва ли не единственный из многих понимая, как мучительно бездумное сочувствие, а то и притворная доброта. После смерти Федора Михайловича на Анну Григорьевну «обрушилось» людское, зачастую «пустое» сочувствие, оно заставляло ее возвращаться к этому трагическому событию и переживать его снова и снова. «...Всё портят люди. – пишет она Страхову в июне 1882 года – Они ...мучают меня своею добротою и внимательностью ко мне: знакомые и очень мало знакомые, узнав о моем приезде, приходят повидать меня и посочувствовать и не дают мне покоя ни минуты. Разумеется, у них это добрые побуждения, но я-то должно быть уж такой дрянный человек, что не чувствую за это благодарности и лучше бы желала, чтоб меня оставили одну с детьми. Не надо мне людей, тяжелы они для меня! А тут у каждого или каждой накопилось какое-нибудь горе, которое нужно поведать несчастной Анне Григорьевне. ...К

довершению всех моих бед меня выбрали Покровительницею или Попечительницею той лечебной колонии в 14 мальчиков, которая послана в Руссу и названа Колониею имени Федора Михайловича. Объявили мне официально с просьбою следить за нею и указать все недостатки и неровности в хозяйстве и порядках Колонии. Не правда ли, как это под стать моему характеру, распекать и вмешиваться в чужие распоряжения. <...> Вы не поверите, как я мечтаю о том времени, когда останусь без людей». Сочувствие Страхова ответно и существенно: он «уводит» Анну Григорьевну в дело, в издание, в тот труд, что может дать успокоение и смысл. В этом рассуждении Страхова отчетливо проявляется антропологическая стилистика русской философии с ее почти повсеместной нравственной нацеленностью, практиками осмысления труда и молитвенного соприсутствия, целомудренного молчания (примечательно, что тема «святого человека», одна из ключевых для русской интеллектуальной традиции, у Страхова принимает вид практической триады – «справедливости, милосердия, святости»).

В своем «утешении философией» Страхов остается мыслителем, для которого характерно целостное, органическое понимание других и самопонимание. Получив от Достоевской июньское письмо 1882 года о ее восприятии внешнего «сочувствия», он рассказывает в ответ о своем летнем путешествии из Петербурга в Мшатку (в имение Данилевских), замечая при этом: «Я выехал из Петербурга 16 июня с твердым намерением ничего не делать и переносить с терпением всякие неудобства и скуки, предстоявшие мне в пути. Эта решимость послужила мне в великую пользу. Только подъезжая к Ясной Поляне, я изменил ей и поддался волнению. Но я совладал с ним и до сих пор наслаждаюсь полным спокойствием, чем, как мне кажется произвожу очень благоприятное впечатление на посещаемых мною

знакомых и родных» (Письмо Н.Н. Страхова к А.Г. Достоевской от 9 июля 1882 г. ОР РГБ, 93/П, карт. 9, ед. хр. 20). Н.Н. Страхов показывает Анне Григорьевне, как можно достигать душевного равновесия из решимости быть, без подчинения абстрактным нравственным тревогам и назидательному высокомерию, внешней мере суждения о неподлинности происходящего и т. п.

Переписка Страхова с Анной Григорьевной посвящена, по большей части, проблемам издания посмертного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, над которым она в то время работала. Так, в письме от 7 июля 1881 года, Достоевская просит Страхова посмотреть корректуру одного из томов: «Не откажитесь, многоуважаемый Николай Николаевич, взглянуть на прилагаемую корректуру и сказать Григорию Фомичу <Пантелееву> Ваше мнение по поводу двух вопросов, которые я Вам предложу. Дело вот в чем: Как Вы видите, на одной странице напечатано: “Сочинение Ф.М. Достоевского”, а на другой странице – “Идиот”. На мой взгляд, слова эти печатать незачем, а следует оставить лишь нумерацию. Мне кажется, что только в таком случае надо ставить название романа, если в одном томе их помещается несколько». В ответном письме Страхов предлагает свой вариант: «Пантелеев был у меня за советом. Я решил поставить над каждою страницей Идиот, как это делается в хороших французских изданиях; а Сочинение Ф.М. Достоевского конечно выкинуть – так никто не делает. Что до того, 6й или 7й том ставить на заглавном листе, то решительно невозможно сказать, прежде чем сколько-нибудь определится объем биографии» (Письмо от 21 июля 1881 г.). Также обсуждается эпистолярный архив Достоевского. Судя по письмам, конкретная работа шла практически непрерывно. «Время проходит в питье чаю и кофею, в еде и купанье, а главное в разговорах, да так быстро и [вполне] проходит, что я и не видал этих десяти

дней. Работать невозможно, если бы я и хотел. Но думать и меняться мыслями можно, и я мысленно продолжаю писать биографию, и рассуждаю об ней с Н.Я. Данилевским» (Письмо Страхова Достоевской от 9 июля 1882 г.)

Переписка Страхова с Анной Григорьевной Достоевской показывает, что повседневность его жизни – это непрерывное, длящееся общение, «побеседуем же»: «Разумеется, можно бы еще много наговорить (Вы желаете длинного письма) о прелестях здешней жизни и природы, о разговорах с Толстым, Фетом и Данилевским, об выставке и т. д.; но лучше отложить это до свидания в Петербурге» (Письмо Страхова Достоевской от 9 июля 1882 г.). Он пишет не «расскажу», а именно «побеседуем же». В этом «побеседуем же» – секрет притягательности русской философии, которая объёмно повествовательна и диалогически проницательна. Объёмны, проницательны самоповествования, диалогические автонарративы Н.Н. Страхова – в его эпистолярном наследии, в том числе и в переписке с А.Г. Достоевской.

Эпистолярное общение постепенно сводится к «недлинным письмам», небольшим запискам, в которых, например, условливаются о встречах: Николай Николаевич проговаривается между прочим о себе; встречно ему говорит и Анна Григорьевна. В письме 1892 года Страхов пишет: «Не позволите ли мне обедать у Вас в Пятницу? Т. е. 17го? Если это Вам не противно, то прошу Вас назначить час – для меня всякий час возможен, так как я один из самых свободных людей на свете». Ответ Анны Григорьевны словно включается в автонарратив Страхова: «Вы пишете, что Вы один из самых свободных людей на свете. Как я Вам завидую и как бы я хотела иметь возможность сказать про себя то же самое. Но увы, я раба моих привязанностей, занятий и забот. Много наставила я себе задач, некоторые с успехом выполнила

(распространение сочинений покойного мужа, обеспечение семьи и др.) но многое, слишком многое из намеченного осталось не выполненным, и это мне жить не дает. Ну да еще поборемся!».

Проступающая в эпистолярных рассуждениях Страхова экзистенциальная составляющая неотделима от всецело жизненной, ответной реальности его мышления. Он, можно думать, ищет путь к «самоуспокоению» между умом и сердцем, но не в себе и не для себя; телеологический горизонт его мышления не является его исключительно внутренним делом; его автобиографический нарратив последовательно осмотрителен в смысловом отношении, именно совместен – практическим, путевым образом целесообразен. Это тот путь совместного мышления, в котором познавательные задания сопрягаются с нравственными в общем окоеме труда, непрерывного и неотложного, посильного и неременного – молитвенного по своему настроению, трезво понимаемого и исполняемого долга дела. Надо полагать, этот автобиографичный, эпистолярно запечатленный путь ведет к общей биографии русской философии, ее путевому тезису – главной, принципиально открытой задаче редакции журнала «Вопросы философии и психологии»: «построить цельное, чуждое логических противоречий, учение о мире и о жизни, способное удовлетворить не только требованиям нашего ума, но и запросам нашего сердца» (Грот, 1889: IX). Сотворцом этого журнала был и Н.Н. Страхов.

Благодарности. Никакое исследование не выполняется в сугубом одиночестве. Но бывают особенные случаи, когда не обойтись без благодарности.

Я весьма признателен своим коллегам и друзьям, известным и начинающим участникам страхововедческих исследований М.И. Щербаковой, щедро предоставившей транслитерированные и

текстологически выверенные копии рукописей писем Н.Н. Страхова, и Л.Е. Кусковой, принявшей активное участие в разыскании, расшифровке и транслитерировании рукописей писем А.Г. Достоевской.

Разработка концепции «архива эпохи» в значительной степени реализована Т.Г. Щедриной; концептуализация автобиографического нарратива применительно к историко-философским исследованиям осуществляется И.О. Щедриной. В разговорах с ними уточнялась структура и смысловые поля статьи.

Acknowledgments. No research is carried out in utter solitude. But there are special cases when gratitude is indispensable.

I am very grateful to my colleagues and friends, well-known and novice participants in insurance studies: Marina I. Shcherbakova, who generously provided transliterated and textually verified copies of manuscripts of N.N. Strakhov's letters, and Larisa E. Kuskova, who took an active part in finding, deciphering and transliterating manuscripts of A.G. Dostoevskaya's letters.

The development of the concept of the “archive of the epoch” was undertaken in a significant way by Tatiana G. Shchedrina; the conceptualization of the autobiographical narrative in relation to historical and philosophical research is carried out by Irina O. Shchedrina. In conversations with them, the structure and semantic fields of the article were clarified.

Литература

Грот, Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. № 1. С. V–XX.

Климова, С.М. Достоевский – Страхов – Толстой: к истории одного конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 72–88. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-72-88.

Тимофей Иванович Райнов. Очерки по истории русской философии 50–60-х годов. Части первая и вторая / Подготовка к

публикации С.С. Илизарова и В.А. Куприянова // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2 (66). С. 59–68.

Туниманов, В.А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) // Русская литература. 2006. № 3. С. 38–96.

Щедрина, И.О. Историческая память и нарратив: экологические контексты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 174 с.

Щедрина, Т.Г., Щедрина, И.О. Издатель интеллектуальной литературы как делатель культуры // Человек. 2022. Т. 33. Вып. 6. С. 50-68. DOI: 10.31857/S004287440007351-1

References

Grot, N. Ya. (1889), “On the tasks of the journal”, *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology], 1, v–xx (in Russ.).

Iizarov, S. S. & Kupriyanov, V. A. (2020), “Timofey Ivanovich Rainov. Sketches on the history of Russian philosophy of the 50–60s. Parts one and two”, *Solov'yovskiy issledovaniya* [Soloviev's research], 2, 59–68 (in Russ.).

Klimova, S. M. (2021), “Dostoevsky – Strakhov – Tolstoy: Toward to the Story of One Conflict”, *RUDN Journal of Philosophy*, 25 (1), 72–88 (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-72-88

Shchedrina, I. O. (2022), *Istoricheskaya pamyat' i narrativ: ekologicheskiye konteksty* [Historical memory and narrative: environmental contexts], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow; St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shchedrina, T. G. & Shchedrina, I. O. (2022), “Publisher of Intellectual Literature as a

Maker of Culture”, *Chelovek*, 33 (6), 50–68 (in Russ.) DOI: 10.31857/S004287440007351-1

Tunimanov, V. A. (2006), “Dostoevsky, Strakhov, Tolstoy (labyrinth of couplings)”, *Russkaya Literatura* [Russian Literature], 3, 38–96 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, г. Москва, 105066, Россия; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; pavel.olkhov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St., 21/4, Moscow, 105066, Russia; Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; olkhov@bsu.edu.ru